

Нужна ли школе реформа: программа исследования

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, заведующий сектором социального прогнозирования Института социологии РАН, академик

С 1969 года сектор социального прогнозирования Института социологии РАН вёл серию проектов. Последний из них, восьмой по счёту, был посвящён исследованию ожидаемых и желаемых изменений в системе народного образования России.

В общих чертах проблему в системе народного образования (СНО) России можно сформулировать как *нарастающий разрыв между ориентацией на подготовку дипломированных специалистов и реальными требованиями жизни*. Напомним, что в 20-х годах, когда начала формироваться существующая доселе СНО, дефицит дипломированных специалистов был огромный, а недипломированных в избытке готовила так называемая «домашняя школа» почти в каждой многодетной семье, и заботиться об этом не было нужды. Кроме того, ожидалось скорое пришествие социализма, а затем и коммунизма, при котором противоположность физического и умственного труда должна была исчезнуть, а рабочие и крестьяне — поголовно перековаться в «народную интеллигенцию». Поэтому школьные программы были построены таким образом, что в них на первый план вышло только то, что требовалось на приёмных экзаменах в вуз, а нужды реальной жизни отодвинуты на задний план и скомканы. Итог к 70-м годам: чудовищное перепроизводство посредственных и откровенно плохих дипломированных специалистов и нарастающий дефицит недипломированных; экономические репрессии за такую диспропорцию в виде замораживания зарплат дипломированным специалистам и вынужденный быстрый рост зарплат дефицитным недипломированным; «бегство» миллионов дипломированных на рабочие места недипломированных, — иными словами, полное выхолащивание смысла средней и высшей школы в том виде, как она сложилась и существует до сих пор. Кроме того, обнаружилось, что более чем для 80% школьников, которые не собирались и объективно не способны поступать в вузы, школьная программа просто не по силам. Школа стала котироваться как второй по масштабам (после неблагополучной семьи) социальный источник преступности. При сохранении анахроничной ориентации школа перестала давать ожидаемый от неё социальный эффект и давала скорее асоциальный эффект, минус-эффект.

Всё это было предельно ясным не только для педагогической науки, но и для высшего звена управленцев СНО и даже для соответствующих отделов ЦК КПСС уже к середине 70-х годов. Именно тогда была осознана необходимость кардинальной школьной реформы, выраженная формулой о «коренном совершенствовании всей нашей общеобразовательной системы», которую озвучил на самой высокой трибуне глава государства. И что же? Как видим, школьная реформа при всех заклинаниях о её срочнейшей необходимости продолжает до сих пор оставаться скорее в виртуальном, нежели в реальном пространстве. Тому должны быть и, наверное, имеются достаточно веские причины, которые наверняка известны экспертам, так что дело только за тем, чтобы «выудить» у них нужную информацию, вполне достаточную, чтобы определиться с грядущими изменениями в СНО.

В соответствии с канонами технологического прогнозирования целью прогностического исследования принципиально не может быть какое бы то ни было предсказание ожидаемых событий — мы можем только выявить назревающие проблемы и предложить возможные пути их решения. Но и последнее — не самоцель, а скорее средство достижения конечной цели: содействовать управлению социальными процессами в смысле повышения уровня объективности и тем самым — эффективности намечаемых решений путём заблаговременного «взвешивания» их возможных последствий.

В соответствии со всё теми же канонами, чтобы достичь только что поставленную цель, необходимо:

- построить исходную модель объекта исследования в виде упорядоченной совокупности количественных и качественных показателей;
- построить такую же совокупность показателей прогнозного фона;
- построить поисковую (проблемную) модель («Дерево проблем»);
- построить нормативную (целевую) модель на основе «Дерева целей» по заранее заданным критериям;
- верифицировать полученные модели с помощью опроса экспертов;
- дать рекомендации сфере управления на основе сопоставления данных поисковой и нормативной модели («Дерево решений»).

Время основания, т.е. временные рамки информационного массива, составляющего основу динамических рядов в прошлом и настоящем, подразделяется нами на три эшелона.

1. Досоветская Россия: вполне достаточно данных за 1913 г. (для сравнения).
2. Советская Россия 20–80-х гг. (динамический ряд с 1922 г., когда начала складываться существующая до сих пор СНО и далее по пятилеткам — до 1991 г.).
3. Постсоветская Россия (1992–1996 гг. и 1996–2000 гг.). Время упреждения эшелонировано канонически:

- Текущие прогнозы (в рамках текущего и очередного учебного года) опущены изначально, так как требуют специального исследования.
- Краткосрочные прогнозы на пятилетие (2001–2005 гг.).
- Среднесрочные прогнозы на пятилетие (2006–2010 гг.).
- Долгосрочные прогнозы на десятилетие (2011–2020 гг.).

Сверхдолгосрочные прогнозы (за рамками 2020 г.) были опущены изначально, так как прогнозный фон уже на уровне рабочих гипотез делал бессильным имевшийся научный инструментарий прогнозирования.

Забегая вперёд, уточним, что на деле «разрешающая способность экспертов» оказалась такой, при которой эшелонировать их высказывания на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу было вообще практически невозможно, так что пришлось довольствоваться неким «среднеориентировочным» 2010 годом плюс-минус пять лет. Из всего богатства научного инструментария мы выбрали только два метода: опрос экспертов и построение прогнозных сценариев.

Опрос экспертов распался на два подвида: глубокое интервью в форме обстоятельной беседы с экспертом частично по заранее подготовленному вопроснику, а частично «в свободном режиме»; коллективный заочный опрос в форме одноразового анкетирования (для сравнительного анализа с данными по интервью). Что касается сценариев, то они по ходу исследования были «переименованы» в модели, причём внимание было сосредоточено на нормативных идеализационной и оптимизационной моделях, а поисковая подразумевалась как бы сама собой: её данные фигурировали в диалоге с экспертами, но внимание на ней сознательно не заострялось, чтобы не дать исследованию скатиться в русло алармизма по поводу явного превращения проблемной ситуации с СНО РФ в критическую и далее — в катастрофическую с неизбежным разгоранием политических страстей при такой постановке вопроса. По той же причине модель с её подчёркнуто статическим характером выглядела предпочтительнее неизбежно динамического сценария, когда обязательно возникают сакральные российские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?», а также «С чего начинать революцию в СНО?» и пр. Этих накладок в академическом исследовании, конечно, хотелось бы избежать и сосредоточиться на возможно более объективном анализе ожидаемых и желаемых изменений системы народного образования России. В этом смысле «модель» полностью выполняла все функции «сценария».

Рабочие гипотезы, по идее, должны полностью определяться данными прогнозного фона, который в свою очередь подразделяется на научно-технический, демографический, экономический, социальный, социокультурный, политический (внутриполитический) и международный (внешнеполитический). Имеются в виду предметные гипотезы, поскольку методологические в данном случае целиком сводятся к предположению, что подобранный нами

корпус экспертов в состоянии содействовать адекватному построению моделей-сценариев, а те, в свою очередь, адекватно отображают действительное положение вещей и его перспективы.

Научно-технический фон поистине безбрежен, но нас в нём больше всего интересует только один показатель: уровень компьютеризации СНО. Это диктуется последними данными научно-технического прогнозирования (1999 г.), согласно которым в первом десятилетии XXI века обязательно появится качественно новая массовая модель персонального компьютера (необходимые инженерные разработки уже имеются). Он будет настолько же разительно отличаться от привычного нам современного, насколько тот — от «компьютерного зала» лет 30–40 назад. Скорее всего, по своим габаритам он будет настолько же меньше современного ноутбука второго поколения (величиной с видеокассету), насколько тот меньше ноутбука первого поколения (величиной с кейс). Наверное, это будет что-то вроде современного мобильного телефона в кармане или на поясе, только мощнее самых мощных сегодняшних компьютеров, поскольку окажется включённым в общемировую сеть типа Интернет, объединяющую потенциальные возможности всех компьютеров мира. Мы не будем говорить о долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозах, согласно которым такому компьютеру в перспективе ближайших десятилетий уготована роль своего рода «протеза», встроенного в человеческое тело, а затем и своего рода искусственной «железы», регулирующей жизнедеятельность организма. Достаточно сказать, что в самые ближайшие годы каждый школьник в более или менее развитых странах (из числа которых, надеемся, до 2010 года ещё не выпадет Россия) получит сравнительно дешёвую игрушку типа излюбленного им плеера, которая позволит ему почти мгновенно получать любую требуемую информацию — от «сколько будет дважды два» или «в каком году произошла революция» до полного набора решённых задач или уже написанных сочинений на любых выпускных или приёмных экзаменах. Это не значит, конечно, что не надо будет учить таблицу умножения, решать задачи и писать сочинения. Но это означает, что педагогам придётся коренным образом пересматривать методику обучения сообразно качественно новым условиям об учении.

Демографический фон демонстрирует особенности развития системы народного образования в условиях нарастающего физического вырождения населения (депопуляции). Он имеет три измерения.

— *Количественное.* Убыль населения страны со скоростью до миллиона человек в год в связи с преобладанием уровня смертности над рождаемостью. За последние восемь лет страна лишилась таким образом почти шести миллионов своих потенциальных граждан, в том числе стало на 5 млн меньше детей до 16 лет (в 1992 г. было более 35 млн, к 2000 г. осталось менее 30 млн). Эти абстрактные цифры мало что говорят неспециалисту. Гораздо доходчивее будет, если уточнить, что это означает через 5–10 лет двух детишек за школьными партами вместо нынешних трёх. И далее со всеми остановками, вплоть до величин, близких к нулевым к концу грядущего столетия, если не изменить наметившуюся тенденцию. Уже одно это заставляет внести серьёзные коррективы в социальную организацию системы, где число абитуриентов средних школ становится меньше числа даже бесплатных вузовских мест. Конечно, согласно пословице «свято место пусто не бывает», произойдут серьёзные сдвиги в национальной структуре школьного контингента. О том, какие это порождает проблемы, могли бы подробно рассказать американцы, у которых белое население физически вырождается ещё более значительными масштабами и темпами, в результате чего контингент государственных (не частных) школ стремительно приближается к пропорции фифти-фифти по соотношению «белых американцев», с одной стороны, и прочих субкультур — с другой. Дальнейшие перспективы лучше всего иллюстрирует общеизвестный пример Косова.

— *Качественное.* В многодетных семьях при традиционном сельском образе жизни и сопутствующей ему относительно высокой детской смертности, как правило, выживали сильнейшие, которые и передавали свою генетику следующим поколениям. Сегодня в численно преобладающих однодетных семьях выживают почти все, кто родился, но далеко не все могут похвастать своим генетическим здоровьем. Городской образ жизни и вконец анахро-

ничная школа, как известно, отнюдь не укрепляют здоровье. В общем, ко второму десятку лет жизни более половины школьников приходят с расшатанной нервной системой (невротики), две трети уже не могут обходиться без помощи лечебных и аптечных учреждений (аллергики), четыре пятых имеют серьёзные хронические проблемы с ухом-горлом-носом, зрением и позвоночником, являются потенциальными клиентами уролога или гинеколога. Не учитывать этого фактора в стратегии развития СНО на ближайшие годы способен только компрачикос из романа Виктора Гюго.

— *«Семейное»*. Не секрет, что очень многое в жизни любого учащегося определяется семейным окружением. Неблагополучные семьи были всегда, но составляли считанные проценты от более или менее благополучных. Ныне в этом отношении мир перевернулся. Мало того, что на каждые две семьи с двумя родителями приходится одна фактически или даже и формально только с матерью, ещё и каждая пятая из «полных» семей страдает от горького пьяницы-алкоголика, а все чаще — от законченного наркомана. Но и без этого в десятках процентов «полных» семей отношения между взрослыми и отношения взрослых с детьми носят воинствующе антивоспитательный характер, а в «неполных» сплошь и рядом идёт непримиримая война матери с сыном или дочерью. Словом, если раньше в школу приходили «абитуриенты домашней школы» и семья в этом смысле была опорой, надёжным союзником школы, то теперь дела обстоят с точностью до наоборот: школе то и дело приходится расхлёбывать «кашу», завариваемую в семье.

Экономический фон отличается двумя параметрами. Во-первых, полным и хроническим отсутствием в стране каких бы то ни было «свободных» финансовых средств за рамками бюджетных выделений, которые изначально исключают сколько-нибудь серьёзную школьную реформу. Поэтому приходится давать прогнозную оценку только таким возможным изменениям системы народного образования, которые не требуют значительных дополнительных ассигнований. Во-вторых, разворованы и переведены на тайные счета в зарубежных банках такие астрономические суммы, которых с лихвой хватило бы практически на любую мыслимую школьную реформу. Когда до начальства доходит серьёзность положения, например, в Чечне, — сразу находятся стомиллиардные средства на полномасштабную войну. Было бы хорошо, чтобы возможно скорее пришло понимание того, что проблемная ситуация со школой — это нечто вроде «второй Чечни», грозящей стране такими же неисчислимыми бедами, если проблему не решить кардинально.

Социальный фон исходит из того исторического факта, что бесклассового, «социально однородного» общества никогда не было, нигде нет и в принципе не может быть. Ибо всегда и везде любое человеческое общество делится ровно на пять страт (классов): высший — аристократия; средний, который, в свою очередь, подразделяется на так называемые состоятельные слои, собственно средний со средним по стране душевым доходом и бедняков; наконец, низший — «дно общества», нищие, парии. Вся разница в том, что в благополучных странах средний класс составляет подавляющее большинство — до двух третей и более населения, высше- и низше-средние слои не выходят за рамки десятка-полтора процентов каждый, а высший и низший класс измеряется считанными процентами. А в неблагополучных, к каковым относится и Россия, только высший класс имеет примерно тот же процент (в сегодняшней России — не более 2% населения, из них собственно русских — не более 1%). С другой стороны, около половины населения составляют бедняки и около трети, судя по душевым доходам, — форменные нищие. Но это, конечно, данные «официальной» экономики, параллельно с которой существует, как известно, «теневая», дающая возможность беднякам и нищим не только не умирать с голоду, но и повально пьянствовать. Напомним, что примерно такая же классовая структура была и в советской России и остаётся по сей день. Сообразно ей строится в каждом случае и система народного образования, имеющая всегда и везде действительно классовый характер.

Не будем забираться в глубь веков, напоминая о том, для кого существовали гимназии, отгороженные от «простонародья» не только высокой платой, но и специально введёнными для этого «мёртвыми языками», изучать которые для крестьянина, мещанина, купца было

такой же бессмыслицей, как сегодня, скажем, алгебру — геометрию — тригонометрию (в существующем чудовищном объёме) для 99% учащихся средней школы. Далеко не для всех существовали также реальные училища и даже церковно-приходские начальные школы. Напомним лишь о недавних временах, когда в каждом городе существовала особая школа для детей «начальства» (в Москве их было несколько), когда «теневики» имели возможность либо протолкнуть своих чад в «престижную» школу, либо создать им «особые условия учёбы», фактически вплоть до покупки аттестата и диплома, когда из подавляющего большинства школ, особенно сельских, составляющих и поныне большинство школ страны, было почти невозможно перейти на следующую ступень СНО.

Сегодня следует считаться с тем, что для 2% дошкольников, школьников и студентов — отпрысков «новых русских» — создана фактически особая подсистема СНО, готовящая их к престижным должностям в будущем. Она распадается на зарубежную и отечественную ветви. Не будем говорить здесь о том, какую участь готовят себе родители, отправляющие своё чадо в страну с иной, более высокой в их глазах, культурой. Не секрет, что почти во всех без исключения случаях дети в такой ситуации начинают стыдиться своих родителей, подобно тому как переехавшие в город потомки зачастую стыдятся своих деревенских предков. Укажем лишь, что эта подсистема в обеих своих ветвях надёжно отгорожена от прочего населения высоким тысячедолларовым забором.

Точно так же различными (главным образом денежными) способами около десятка процентов родителей из выше-среднего класса и немногим больше из довольно малочисленного у нас собственно среднего класса создают для своих отпрысков условия учёбы, значительно отличающиеся как от тысячедолларовых учебных заведений «высшего класса», так и от почти бесплатных для детей остальных 80% населения.

Что касается «остального населения», то факт начинающейся постепенной деградации дошкольных учреждений и обычной общеобразовательной школы, не получающей должной финансовой подпитки, не подлежит никакому сомнению. Достаточно сказать, что из 30 млн оставшихся детей более 2 млн — главным образом школьного возраста, согласно данным парламентских слушаний (май 2000 г.), оказались не только за стенами школы, но и официально признаны «беспризорными». И ещё несколько миллионов числятся в школе лишь формально, месяцами прогуливают уроки, не выполняют никаких домашних заданий и в старших классах покидают школу совсем для разного рода приработков, поскольку «мёртвые языки» подавляющего большинства преподаваемых в школе предметов по жизни им ни к чему, а в вузы они поступать не собираются. И это не говоря уже о 35 тысячах подростков в тюрьмах и примерно таком же количестве «без вести пропавших» за последние годы. Тревожнее всего то, что процентная доля этих тысяч и миллионов имеет тенденцию к нарастанию.

Без учёта этих обстоятельств всякие разговоры о каких бы то ни было изменениях в нашей СНО остаются пустым сотрясением воздуха.

Социокультурный фон всегда определяется соотношением собственно культуры и противостоящей ей антикультуры, «теневого культуры». Первая, начиная с античных трагедий и литургий, даёт так называемый эффект катарсиса, очищения, возвышения души, чем очень способствует стабилизации и развитию общества. Вторая, начиная с публичных казней, гладиаторства и вакханалий, апеллирует к низменным, животным инстинктам человека и тем самым дестабилизирует, разрушает общество. Первая опирается на культ милосердия, любви, семьи, разума; вторая — на культ насилия, похоти, стадности, наркокайфа (включая алкоголь и никотин). Антикультура всегда знала своё место в жизни и, как проститутка, никогда не пыталась встать вровень с замужней женщиной. Первые попытки такого рода начались на Западе лишь во второй половине XIX века и привели к смене «золотого века» классики «серебряным веком» декаданса (упадка). В 20–70-е годы XX века антикультура стала заявлять о себе всё агрессивнее, а на протяжении двух последних десятилетий истекающего века культура всё более переходит к «глухой обороне» под натиском поистине триумфального шествия своей соперницы, которая теперь выступает в средствах массовой информации и в общении

людей уже даже не на равных, а всё больше преобладает.

Это оказалось возможным только потому, что детская, подростковая и молодёжная субкультуры из-за развала семьи, «разрыва поколений» и вопиюще дискриминационного положения детей, подростков и молодёжи при городском образе жизни в современном обществе приняли характер «контркультуры», воинствующе противостоящей господствующей культуре взрослых. Задача состоит в том, чтобы перевести детскую, подростковую и молодёжную субкультуру на рельсы собственно культуры и тем самым вернуть антикультуру на подобающее ей место в «доме терпимости». Но эта задача ещё даже не осознана как следует.

Совсем недавно любое образовательное учреждение, подобно солдатской казарме, являло собой очаг культуры, как говорится, этажом выше обычной крестьянской избы, хаты, сакли. Сегодня школа, как и казарма, больше такого места в сфере культуры не занимает. Напротив, та и другая — рассадник худших традиций бурсачества, смертельный враг семьи, горнило антикультуры. Да и культура родителей, в массе своей, перестала быть воспитывающей. Встаёт задача «рекультивации школы», тоже ещё как следует не осознанная.

Политический фон должен исходить ещё из одного исторического факта: да, с тоталитарным строем вроде бы покончено, хотя сильнейшие пережитки оного в сознании и поведении людей, конечно же, сохранились; но никуда не делись и не могли деться тысячелетние традиции личностно-авторитарных отношений, полностью господствующие и поныне в жизни общества под любой бутафорией «демократии». Дикий произвол «начальства» разных уровней обычен и привычен. Без учёта высокой степени вероятности самых немыслимых «нововведений», которыми способен изумить население любой самодур-управдом любого ранга, все прогнозные оценки каких бы то ни было возможных изменений просто повисают в воздухе.

Есть и ещё одна важная сторона политического фона. Это — открытый закон классовой борьбы в СНО, ничуть не уступающий своей категоричностью аналогичному закону в марксизме-ленинизме. Оказывается, развитие СНО целиком и полностью определяется борьбой целых четырёх социальных сил, не только не имеющих ничего общего между собой, но и находящихся в сугубо антагонистических противоречиях по отношению друг к другу.

Первая, так сказать, наиболее значительная сила в рассматриваемой системе — это управленцы всех уровней — от школьного завуча до правительства страны. Для них, по самому характеру их работы, не существует ни учителей, ни родителей, ни тем более детей, а есть только показатели-проценты, каковые должны выглядеть возможно более прилично в глазах вышестоящих инстанций во избежание нагоняя свыше. Любой ценой!

Вторая сила (послабее) — учительство. Ему приходится обороняться разом на трёх фронтах: от «начальства», единственное спасение от коего — показуха, «втирание очков»; от родителей, с их взбалмошными антипедагогическими требованиями; наконец, от собственных учеников, категорически не желающих пострадать ни тем, ни другим, ни третьим. Возможно, некоторым покажется дискуссионным утверждение, что учитель — не только «сеятель разумного, доброго, вечного», но и самый обычный работник общественного производства, в принципе такой же, как токарь или слесарь, и ему ничто рабочее не чуждо. Да, можно привести примеры тысяч великомучеников педагогики. Но ведь учителей-то — миллион! И в массе своей они, как и все, интересуются прежде всего условиями и оплатой их труда. И если условия побуждают, — учитель может провести до десятка и более уроков в день, дать домашние задания на всю ночь до утра, продержат класс на холоде строем чуть не час, публично унижить ученика или его родителя. Сладить с этой силой можно только одним путём — адекватным изменением, оптимизацией условий учительского труда.

Третья сила, стихийная, как русский бунт, — родители. По новоявленной поговорке, им хочется как лучше (для своего ребёнка), а получается как всегда. Типичный родитель сегодня не видит никакой разницы между своим любимым чадом и ещё более любимым котёнком или кутёнком. И от того, и от другого, и от третьего требуется одно и то же: нахватать возможно больше медалей на очередной выставке (экзаменах). Ради этого собак, кошек и детей дрессируют сутками разными домашними заданиями и в разных кружках, совершенно не заботясь

о том, нравится это дрессируемому существу или нет, валится он с ног от усталости или уже окопался. Ясно, что при такой агрессивности конфликтов с управленцами, учителями и собственными детьми не избежать.

Наконец, четвёртая, самая многочисленная, но и самая слабая сила — дети, подростки, молодёжь, вообще учащиеся, вынужденные держать глухую оборону против своего трёхглавого классового врага. Врагу словно бы невдомёк, что в молодости ни в детсад, ни в школу, ни в институт не ходят для того, чтобы набираться там знаний с последующей реализацией в своей жизненной карьере, о которой первые двадцать лет жизни думают так же мало, как и о неминуемой смерти. Во-первых, туда, как в армию, гонят родители, общество, государство, и «косить» от такой рекрутчины — себе дороже. Во-вторых, и это главное, подрастающее поколение приходит в образовательные учреждения для удовлетворения потребности не столько в знаниях, сколько в самоутверждении: чтобы завоевать уважение окружающих и на этом основании хоть немного начать действительно уважать самого себя при непомерном самолюбии каждого. Следовательно, вся педагогическая хитрость должна заключаться в том, чтобы удовлетворение отчаянной потребности в самоутверждении логично выливалось в удовлетворение познавательных потребностей. К сожалению, в сегодняшней школе это две совершенно разные вещи с ужасающими последствиями для общества.

Международный фон. Нас стараются не огорчать напоминанием о том прискорбном факте, что более десятка лет назад наша держава потерпела поражение в третьей мировой войне 1946–1989 гг., которая вошла в историю под псевдонимом «холодной». И что мы сегодня находимся примерно в том же положении, в каком находились после второй мировой войны Германия или Япония. С той разницей, что нам никто не собирается помогать оправиться от поражения и восстановить рухнувшую экономику. Напротив, нас всё ещё боятся, и делают, и будут продолжать делать всё возможное, чтобы мы и дальше пребывали в существующем плачевном состоянии. Это создаёт для подрастающего поколения в будущем дополнительные трудности, преодолевать которые должна научить школа.

И это ещё полбеда. Ещё более тяжкая беда состоит в том, что на глазах у всех назревает четвёртая мировая война — война почти миллиарда безработных людей в странах Азии, Африки, Латинской Америки (с семьями — почти четыре миллиарда, две трети нынешнего человечества) против заживо разлагающихся, клонящихся к упадку Евроамериканской и Евразийской цивилизаций в Северной Америке и Европе. Сегодня такая война ещё невозможна: слишком неравные силы. Но завтра, когда оружие массового поражения (прежде всего бактериологическое) будет освоено моджахедами, второе издание «Бури в пустыне» состоится, так сказать, на равных.

Четвёртая мировая война, как и её прелюдии в Югославии, Афганистане, Ливане, Чечне и т.д., как и вся третья мировая война, не будет иметь фронтов, подобных тем, которые делили сражающиеся армии и отделяли их от мирного населения в первой и второй мировых войнах. Боевик с автоматом в любую секунду может вырасти в дверях любой квартиры, не говоря уже о бомбёжке. Это накладывает на школу категорический императив: каждый абитуриент, независимо от пола, должен знать азбуку самообороны и первой медицинской помощи так же назубок, как и просто азбуку или таблицу умножения. Без этого в складывающихся условиях его аттестат зрелости окажется недействительным, хотя бы потому, что не окажется в живых его носителя. Пока что эта нехитрая истина до школы не дошла.

С учётом всего только что сказанного о прогнозном фоне профиля работы две основные рабочие гипотезы исследования можно сформулировать следующим образом:

1. При сохранении наблюдаемых тенденций на предстоящее десятилетие ситуация в СНО РФ будет всё более уподобляться положению в типичных «банановых республиках» третьего мира: дорогостоящие платные учебные заведения для детей из немногих состоятельных семей, в том числе во всё возрастающей части — за рубежом; быстро деградирующие до уровня самых примитивных сельских школ учебные заведения для основной массы населения. При таком положении школа неизбежно делается важным инструментом ускорения классового расслоения с неминуемым социальным взрывом в обозримом будущем ближайших двух-трёх

десятилетий.

2. Этот нежелательный процесс можно существенно затормозить, если произвести хотя бы частичные реформы из числа тех, которые не потребуют непомерных ассигнований. Положение можно стабилизировать путём оптимизации СНО на основе системы кардинальных реформ, если государство сочтёт их приоритетными и выделит в срочном порядке необходимые для таких реформ средства.

Какие именно реформы СНО возможны и желательны — предстоит определить экспертам.

Прежде всего решено было предпослать собственно формальному опросу экспертов возможно более основательный пилотаж. Дело в том, что сотрудники сектора имели значительный опыт работы в дошкольных и других образовательных учреждениях, а также в институтах повышения квалификации. Но конкретную обстановку в школе знали в лучшем случае на уровне родительского актива, что было заведомо недостаточно. Поэтому решили первый год целиком посвятить практической работе в школе. Никого не «опрашивать», а просто трудиться вместе с педперсоналом школы, изучая школьную жизнь во всех её сложностях. Это и должно было стать, по сути, пробным опросом экспертов — школьных работников как лучших знатоков образовательного дела. Пусть пока не в виде интервью и анкет, а в виде простого общения — суть дела от этого не менялась.

Для такой задачи заведомо не годилась ни «авторская», ни «обычная» школа. В первом случае пришлось бы изучать не собственно школу, а систему автора — во всех случаях разную. Во втором — педагоги слишком замотаны своими школьными буднями, чтобы помышлять ещё и о каких-то там изменениях в будущем, которые «начальству виднее». К счастью, нашёлся оптимальный вариант. Руководитель исследования был приглашён по совместительству научным руководителем школы-лаборатории № 199 г. Москвы и привёл туда свой коллектив. Школа никакая не «авторская», а самая обычная. Школа как школа. Вместе с тем не просто школа, а ещё и лаборатория с элитным персоналом, способным и обязанным думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Отчёт о нашей совместной работе будет опубликован в следующем номере журнала. Главное, что дал пилотаж, — основательный вопросник для интервью и анкет первого тура опроса экспертов.

Задачей первого тура было определить контуры идеализационной и оптимизационной моделей, на которые должны были реагировать эксперты второго и третьего туров опроса. Эта задача была настолько сложна и важна, что экспертов разделили на две подгруппы. В первую, с членами которой предполагалось провести глубокое интервью в форме свободной беседы, вошли шестнадцать признанных авторитетов в области народного образования, продемонстрировавших в своих выступлениях способность к прогностическому мышлению: четыре экс-управленца самого высокого уровня, четыре члена Российской академии образования, известные своими инновационными трудами в психологии и педагогике, четыре педагога — руководители «авторских» школ с такими же личностными характеристиками и четыре общественных деятеля из комитетов по образованию наших законодательных органов различного уровня (та же личностная характеристика).

Число «шестнадцать» определилось эмпирическим опытом предыдущего исследовательского проекта. При меньшем количестве терялась репрезентативность экспертной группы, нарастала угроза односторонности оценок. При большем — наблюдалась «избыточность» информации, эксперты просто начинали повторять один другого. Кроме того, по выбранной цифре легче вычислять проценты. Правда, по ходу исследования обнаружилось, что любимые социологами проценты в данном случае не так уж и важны. Гораздо важнее нетривиальность высказываний и оценок — совершенно независимо от того, сколько именно экспертов их высказало, поэтому в последующем изложении мы чаще прибегаем не к процентам, а к понятиям типа «полный консенсус», «большинство», «меньшинство», «отдельные эксперты» и т.п.

Кроме того, шестидесяти экспертам — работникам школы-лаборатории — прямо на одном из педсоветов были розданы анкеты. Эта подгруппа служила как бы «контрольной» и

действительно дала много дополнительной конструктивной информации.

На основе данных первого тура опроса экспертов была составлена «Идеализационная модель СНО РФ» (см. Приложение). В следующем, втором туре попросили экспертов отреагировать на неё. К сожалению, у многих экспертов первого тура наступил тот самый синдром психологической усталости, при котором была реакция: «Я уже всё сказал!» Пришлось заменить большую часть экспертов сотрудниками институтов повышения квалификации работников образования, Института социологии, институтов Академии образования и нескольких других научных и учебных заведений Москвы и других городов страны (к нам подключились коллеги из Самары, Новосибирска, Красноярска, Ухты и др.). Однако, как говорится, нет худа без добра. Конечно, гораздо труднее начинать сначала, чем продолжать работу с уже вошедшими в курс дела прежними экспертами. Зато расширился круг экспертов и появились новые нетривиальные суждения.

Третий, последний тур опроса, согласно программе исследования, должен был быть самым эффективным заключительным аккордом. Как опытные футурологи, мы предполагали в 1994–1995 гг., что спустя два-три года правительство — старое или сменившееся, безразлично — обязательно выступит (не сможет не выступить!) с проектом кардинальной школьной реформы. Вот тут-то мы напустили на проект своих экспертов и получится замечательная заключительная глава, венчающая наше исследование: о реальных путях уже не идеализации, а практической оптимизации системы народного образования. Однако правительство оказалось хитрее футурологов. Оно долго тянуло с реформой и вдруг устами нового министра объявило, что не до реформ: выжить бы! Судорожные попытки наскрести хоть какой-то квазиреформаторский материал успеха у работников министерства не имели. Пришлось пойти на никем не замеченный чуть ли не государственный переворот: назначить самих себя «калифом на час», то бишь самозванным министром образования, который тут же сочинил текст проекта долгожданной реформы и отдал его на растерзание экспертам. Правда, вскоре последовало сообщение о проекте перехода к 12-летней школе. Но было уже поздно, да и сам сюжет вряд ли тянул на оптимизационную модель СНО. Так или иначе, концептуально исследование было завершено, ожидаемые и желаемые изменения в СНО РФ на ближайшую десятилетнюю перспективу более или менее прояснены, а процедуры экспертизы для подобного рода объектов исследования отработаны досконально.

Приложение

План глубокого интервью

1. Введение: краткая информация о научно-исследовательском проекте.
2. Эксплорация (поисковый подход): ожидаемые изменения в системе народного образования (СНО).
  - 2–0. В чём, по Вашему мнению, заключается кризис СНО сегодня?
  - 2–1. Может ли существующая проблемная ситуация в СНО России разрешиться сама собой, если в стране нормализуется положение (будет преодолён кризис), или для этого требуются специальные меры?
  - 2–2. Если требуются, то какие главные (в общих чертах)?
  - 2–3. Считаете ли Вы, что школьная реформа:
    - уже завершена;
    - в самом разгаре;
    - в процессе реализации;
    - в начале реализации;
    - ещё не начиналась.
  - 2–4. Если сохранятся существующие тенденции, то как бы Вы охарактеризовали в самых общих чертах положение СНО через пять лет и в последующие пятнадцать лет?
  - 2–5. Какие пять проблем СНО (в порядке значимости) Вы считаете наиболее существ-

венными?

2–6. В правильном или неправильном направлении развивается, на Ваш взгляд, СНО РФ? В том и другом случае — почему? Просьба обосновать мнение.

2–7. Как Вы считаете, как должна формироваться СНО России и кто должен формулировать задачи её дальнейшего развития (социальный заказ):

- она должна формироваться стихийно, сообразно общему развитию страны (по законам рыночной экономики);

- должен быть социальный заказ со стороны органов государственного управления;
- другое.

Просьба обосновать свою точку зрения.

2–8. Какой из социальных институтов российского общества, по Вашему мнению, переживает в настоящее время наиболее серьёзный кризис? (Просьба проранжировать.)

- Экономика.
- Политика.
- Культура.
- Семья.
- Образование.
- Религия.

2–9. Какой, по Вашему мнению, должна(ы) быть цель(и) системы народного образования России?

2–10. Есть ли в развитии СНО РФ тенденции, на которые нельзя повлиять?

2–11. На какие тенденции можно повлиять хотя бы теоретически?

2–12. На какие тенденции можно повлиять практически и что для этого необходимо предпринять?

2–13. Как надо перестроить образовательное пространство, чтобы объектом образовательных услуг являлось всё население страны на разных этапах жизни человека? И необходима ли такая перестройка?

3. Нормативный подход: желаемые изменения в СНО РФ — формирование программы нововведений. (Если Вы согласны с предложениями, приведёнными ниже, то какие меры необходимо предпринять для их реализации? Если нет — то почему?)

3–1. Восстановление подсистемы образования родителей (обязательного родительского всеобуча) в виде курсов, народных университетов, соответствующих предметов или мета-предметов в школе и т.д.

3–2. Введение обязательного всеобщего дошкольного образования в микрорайонных (сельских, посёлковых и т.д.) дошкольных центрах с разным режимом работы для отдельных групп детей: прогулочные группы, группы специальных занятий, подготовка к школе и пр.

3–3. Преобразование дошкольных учреждений и начальной школы в единый комплекс для детей с 2,5–3 до 10 лет.

3–4. Преобразование неполной средней школы в полную среднюю школу для подростков 11–14 лет (ко времени получения паспорта гражданина РФ).

3–5. Введение всеобщего профессионального образования для молодёжи 15–20 лет с возможно более продолжительной производственной практикой в качестве стажёра по месту будущей работы в специализированных колледжах (специальных средних учебных заведениях).

3–6. Дифференциация университетского образования на бакалавриат, магистратуру, аспирантуру и докторантуру.

3–7. Введение обязательного повышения квалификации и переподготовки кадров не реже одного раза в 5–7 лет для всех работников общественного производства.

3–8. Восстановление подсистемы общего самообразования взрослых в виде сети народных (вечерних) университетов. Домов детского творчества с их филиалами непосредственно в школах.

3–9. Восстановление подсистемы дополнительного образования в виде сети.

3–10. Как Вы оцениваете перспективы компьютеризации образования?

3–11. Какие пять наиболее значительных желаемых изменений в системе народного образования РФ Вы хотели бы видеть в 2010 году?

4. Дополнительные замечания об ожидаемых и желаемых изменениях в СНО РФ (за рамками перечисленных).

5. Замечания касательно данного плана интервью.

6. Замечания касательно анкеты «Школа — XXI век» для другой группы экспертов.

7. Другие замечания.